

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

«Сов. Сибирь» 2 Новосибирск 15 мар. 1975

ЩЕДРОСТЬ ХУДОЖНИКА

Сегодня театральная общественность нашего города, зрители отмечают 25-летие творческой деятельности актрисы Новосибирского ТЮЗа, председателя правления Новосибирского отделения ВТО, заслуженной артистки РСФСР А. В. Гаршиной.

Первой работой Анастасии Гаршиной на профессиональной сцене была роль Тишки, мальчишка в доме и лавках купца Большова из комедии Островского «Свои люди — сочтемся». В той самой пьесе, где сегодня, спустя четверть века, заслуженная артистка РСФСР Анастасия Васильевна Гаршина играет сваху Устинью Наумовну. Факт творческой биографии Новосибирского ТЮЗа — возвращение в его афишу старого названия — символически отразил в себе путь актрисы. Путь этот неразрывно связан с нашим городом, где Гаршина родилась и выросла, куда вернулась после окончания Ленинградского театрального института, с Новосибирским ТЮЗОМ, которому она отдала все 25 лет своей творческой жизни.

Начинала Гаршина с ролей трагических, и уже тогда в ее мальчишках и девчонках обнаруживалась индивидуальность исполнительницы: лиричность и теплота в сочетании с жизнерадостной, озорной энергией. Ее юные герои и героини жили на сцене взахлеб, утверждая себя как личности неординарные. Это было знаменем времени. Только что окончилась война. Страна, выстоявшая в невиданном испытании, восстанавливала разрушенные города и села, разрушенные человеческие судьбы. Энтузиазм, воля и доброта, равнение на героев недавних сражений были эталоном в оценке человека. Это касалось не только взрослых, это касалось и детей. Когда один из героев Гаршиной — школьник Олег из розовского спектакля «В поисках радости», истоиво и самоабвенно отстаивая свои убеждения, крушил отцовской пашкой полированную мебель, застывшую его брату весь мир, зрительный зал взрывался аплодисментами. И в чуткой тишине, живя одной жизнью со сценой, следил тот же зал за неестественно прямой фигуркой незрячей девочки Люси («Ее друзья» В. Розова), мужественно и стойко переносившей свою беду.

Много лет спустя Гаршина сыграла роль молодой учительницы Анни Сьюлливан из пьесы американского драматурга У. Гибсона «Сотворившая чудо», как бы продолжив тот начатый с юными зрителями давний разговор о способности человека мужеством и добротой преодолевать неодолимое. В пересказанной театром реальной истории слепой и глухонемой девочки Элен Келлер, возвращенной ее учительницей к нормальной человеческой жизни, истории поистине поразительной, Гаршина докажет силу подлинной, требовательной доброты.

Эта тема требовательной доброты, уважения к собственному и чужому достоинству пройдет через многие женские образы, созданные актрисой в последующие годы. Апофеозом ее станет роль старой киргизской женщины Толгонай из драматической поэмы «Материнское поле» по роману Чин-

гиза Айтматова, поставленной театром к 50-летию образования СССР.

Долгое время ее считали актрисой лирической. О комедийном даровании не догадывались, хотя в многочисленных школьниках и школьницах, лирических героинях актрисы неизменно присутствовали веселая ирония, неожиданная порой улыбка. Но вот вышла на сцену забавная тетья в мужской толстовке, подпоясанная ремнем, глянула строго в зал сквозь стекла круглых очков, и из проходного персонажа швейцар студческого общежития Акимовна (спектакль «Вендет-

НА СНИМКЕ: А. ГАРШИНА в роли Толгонай «Материнское поле». Фото Н. Соничевой.

та» по пьесе Н. Винникова) превратилась в любимцу зрителя. Зал веселился, наблюдал, как она беззлобно воюет со студентами, погибал от хохота, когда страж порядка, смешно прижимая к коленям юбку, вопил в страхе перед воображаемыми мышами. Цепкий взгляд, умеющий подмечать в окружающей жизни смешные детали, фантазия художника — все нашло себе применение в этой роли. Так родилась комедийная актриса Гаршина. Ее работа была замечена и отмечена зрителями, критикой, товарищами по театру.

А в душе она лелеяла мечту о ролях трагедийных. Подступом к ним была Изольда («Тристан и Изольда» по пьесе А. Бруштейн), работа шестидесятого года, драматический образ Возлюбленной, не перенесшей смерти любимого и ушедшей из жизни вслед за ним. Роль, сыгранная мастером, все же более лирическая, чем трагедийная. Спустя несколько лет она сыграла Марию Стюарт в одноименной драме Шиллера. И как когда-то Акимовна открыла в Гар-

шиной актрису комедийную, так узница королева Шотландская позволила увидеть в ней возможности трагической актрисы.

Вся в черном бархате, с открытой высокой шеей, с переменчивым бледным лицом, эта Мария таила в себе неожиданности. Неистовая гордость, жесткая власть ее, коварное непостоянство отталкивали, искренность же страданий, негибкость в час поражения — вызвали сочувствие. Актриса не шадила Марию, она осуждала и самую цель борьбы — королевский трон, и жестокие средства, которыми та пользовалась ради победы. Но она не лишила свою героиню обаяния значительности.

Толгонай стала третьей вехой на пути Гаршиной к ролям трагического плана. Критика уже отмечала некоторую статичность исполнения. Этот недостаток сказался и на исполнении центральной роли. И все же работа Гаршиной была ее победой. Все то, о чем она думала, о чем успела сказать в других своих ролях женщин — матерей, получило завершённость. Эпический образ Материнского поля, дарующего человеку жизнь, воплотился в фигуре старой крестьянки, мудрой, всепонимающей, умеющей и карать, и прощать, несущей в сердце своем высшую людскую справедливость.

Жанр спектакля подсказал актрисе особую пластику — чуть тяжеловатую, усталую и вместе с тем величавую. Голос ее, умеющий быть легким, звонким, ликующим, здесь становился низким и сильным.

Работа в «Материнском поле», думается, доказала право актрисы на роли трагического репертуара.

А почти одновременно с Толгонай она сыграла Простакову, мамашу знаменитого Митрофанушки в «Недоросле» Фонвизина. Сыграла с блеском, с уверенным, победительным мастерством, так, точно всю жизнь только и играла сатиру.

В доме, где все тяжело и грубо, все давит человека к земле, это нелепое существо, этот сгусток злой энергии чувствует себя, как рыба в воде. В ней все лишено смысла, все во вред и во зло окружающим. Даже материнская любовь, превратившая Митрофанушку не только в невежду, но и в хитрого, злобного, воинствующего эгоиста. Убийственный сарказм, с которым выстроена (режиссер спектакля Л. Белов) и сыграна эта роль, как и всегда у Гаршиной, не исключает для нее живых человеческих черт в Простаковой. Помещица — крепостница, самодурка, тиранящая зависимых от нее людей, по-своему несчастна, ибо ее привязанность к сыну не находит отклика. И это вносит в сатирический строй спектакля ноту драматическую.

Роль Простаковой сфокусировала в себе то актерское, игро-

вое начало, которое всегда отличало почерк Гаршиной. Она наслаждается самим пребыванием на сцене, ей неведомо скучное «вторжение приданного». Разумеется, были в ее жизни и более и менее удачные работы, случалось, что сходный драматургический материал тянул к вторичности, к использованию наработанных приемов. Но в лучших своих ролях актриса не устает искать новые, неожиданные нюансы и повороты. Она любит импровизацию, любит неожиданности в партнерях, когда приходится на лету схватывать, откликаться на свежую интонацию, новый подтекст реплики. Превосходно владея технологией своей профессии, актриса может ставить перед собой любые, самые сложные задачи. Она умеет быть сочной, бытовой и грациозно-улыбчивой, умеет трогать до слез и смешить до упаду. И при этом оставаться самой собой.

Специфика юношеского театра предполагает в его артистах некоторые дополнительные качества. Здесь нужно особое умение владеть вниманием детской аудитории, вести ее за собой. Здесь актер еще и педагог. Гаршина — частый гость в школах. В привычном кругу она чувствует себя вольно, жадно впитывает впечатления, щедро тратит свой душевный капитал. Оттого в театре она диктует залу, а не он ей. Оттого много размышляет она о воспитании юного человека, о связи взрослого — ребенок, вынося эти свои мысли и тревоги на сцену. Ее многочисленные учительницы в разных спектаклях разных лет, чаще всего несходные по характерам (хотя были, увы, и сходные), увлекали зрителей самоотверженным служением школе, неординарностью своего духовного мира. А ее сценические мамы, как правило, воплощают собственные раздумья актрисы, матери теперь уже взрослой дочери, о том, что есть для ребенка, для маленького гражданина семья.

И еще один предмет разговора с юншеством, требующий особенной деликатности, особой тонкости, — любовь. Гаршина возвращалась к нему не раз с тех пор, как сыграла Изольду. Любовь самоотверженная, одухотворяющая и возвышающая человека, и любовь злая, мстительная, уродующая душу. Так, например, было чувство Надежды из спектакля «Друзья и годы» по пьесе Л. Зорина, Гаршинская рыжая девчонка-бесенок из первого действия, раздвоенная покорной, слепой любовью к дурному человеку, превращалась затем в циничное, расчетливое существо. Самое прекрасное чувство на земле оборачивалось во зло и убивало само себя. Или любовь Аркадиной к Тригорину («Чайка» Чехова), эгоистичная, избрательная и жалкая одновременно... Воспитание чувств — разве это не дело юношеского театра, его актеров?

В последние годы Анастасия Васильевна впрямую занялась педагогической работой: вместе с артистом и режиссером ТЮЗа В. С. Орловым она ведет курс в Новосибирском театральном училище. Учит тому, что умеет сама, хочет видеть в своих учениках не только хороших артистов, но и интересных людей. Если добавить к этому, что коммунист А. В. Гаршина вот уже десять лет возглавляет правление Новосибирского отделения Всероссийского театрального общества, то легко представить, какой наполненной и напряженной жизнью она живет. Но кто ж из людей, подлинно творческих, когда-нибудь сетовал на «перегрузку»? Отсутствие интересной работы — вот это беда...

М. РУБИНА.